

Новый роман
от автора
международного
бестселлера
«Мой парень — пёс».
Впервые на русском!

Мэтью Квик Нет худа без добра

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7185130
Квик М. Нет худа без добра : роман: Азбука, Азбука-Амтикус; СПб; 2014
ISBN 978-5-389-09008-8*

Аннотация

Впервые на русском – новый роман от автора международного бестселлера «Мой парень – псих» («Серебристый луч надежды»), переведенного на 27 языков и успешно экранизированного: фильм Дэвида О. Расселла, в котором снимались Брэдли Купер, Дженнифер Лоуренс и Роберт Де Ниро, стал первой с 1981 г. картиной, выдвинутой на «Оскар» во всех актерских категориях, причем Дженнифер Лоуренс получила эту премию за лучшую женскую роль.

Итак, Бартоломью Нейлу скоро стукнет сорок лет. У него нет близких друзей, никогда не было любимой девушки, и он до последнего времени жил вместе с матерью. Но после ее смерти он решает выйти в большой мир и ставит себе ряд целей. Цель первая: выпить пива в баре с каким-нибудь подходящим по возрасту человеком. Цель вторая: научиться, как произвести впечатление на женщину. Цель третья: посетить Кошачий парламент в Оттаве, столице Канады. Выстроенный в форме писем актеру и экологическому активисту Ричарду Гиру, роман «Нет худа без добра» подтверждает, что успех предыдущей книги не был случайным.

Содержание

1	5
2	12
3	18
4	22
5	31
6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мэтью Квик

Нет худа без добра

Это художественное произведение, то есть вымысел. Реальные лица, события, цитаты, учреждения, организации и места действия упоминаются только для того, чтобы придать вымыслу правдоподобие, и употребляются так, как это было удобнее в интересах повествования. Все прочие имена, лица и места, как и все диалоги и события, описанные в книге, – плод авторского воображения.

Моей семье – папе, маме, Меган и Майке

Если хочешь, чтобы другие были счастливы, относись к ним с сочувствием. Если хочешь быть счастлив, относись к другим с сочувствием.

Далай-лама

Несомненно, есть более талантливые актеры, чем я, которые не сумели сделать карьеру. Почему? Не знаю.

Ричард Гир

Matthew Quick

The good luck of right now

Copyright © 2014 by Matthew Quick

All rights reserved

© Л. Высоцкий, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

1

Вымышленный двойник Ричарда Гира

Дорогой мистер Гир!

В ящике маминого комода, где я рылся, чтобы отделить ее «личное» белье от «почти не ношенного», которое можно было отдать старьевщику, я нашел Ваше письмо.

Как Вы помните, Вы написали письмо, где призывали бойкотировать Олимпийские игры 2008 года в Пекине из-за тех жестоких преступлений, которые китайское правительство совершало в Тибете.

Не беспокойтесь.

Я не один из этих тронутых.

Я-то сразу понял, что это стандартное письмо, одно из тех, что Вы рассылали через благотворительную организацию миллионам людей, а вот мама была выдумщицей, каких мало, и она вообразила, что Вы написали ей лично. Наверное, поэтому она сохранила письмо, представляя себе, как Вы касались его руками, лизали, заклеивая конверт. Письмо было для нее осязаемым звеном, связывающим ее с Вами, – она полагала, что через него ей могут передаться какие-нибудь клеточки Вашего тела, обрывки ДНК.

Мама была Вашей горячей поклонницей и той еще фантазеркой.

– Имя написано курсивом! – говорила она, тыча в письмо пальцем. – Ричард Гир! Кинозвезда РИЧАРД ГИР!

Она любила устраивать маленькие праздники по самым пустяковым поводам: когда среди мусора в кармане пальто находился затерявшийся скомканный доллар или когда на почте не было очереди, служащие улыбались и вежливо разговаривали. Или, например, если жарким летом вдруг становилось достаточно прохладно, чтобы спокойно посидеть на улице: к ночи температура резко падала, хотя метеорологи предсказывали невыносимую жару и влажность, и вечер становился неожиданным подарком судьбы.

– Иди сюда, Бартоломью, подыши этим необъяснимым прохладным воздухом, – говорила она, и мы сидели, улыбаясь друг другу, будто выиграла в лотерею.

У мамы был талант придавать самым заурядным вещам видимость чуда.

Мистер Гир, Вы, наверное, уже решили, что мама была со странностями, слегка тронутая; почти все так думали.

Пока мама не заболела, ее вес никогда не менялся, она не покупала себе новую одежду, вечно была одета по моде восьмидесятых годов и пахла нафталиновыми шариками, которые держала в комодке и шкафу, а волосы ее были обычно примяты с левой стороны, так как она почти всегда спала на левом боку.

Мама не знала, что подпись легко воспроизвести с помощью принтера, – она была слишком стара, чтобы осваивать новые технологии. К концу жизни она часто повторяла, что «компьютеры были прокляты еще в Откровении Иоанна Богослова», и хотя отец Макнами сказал мне, что это неправда, мы решили ее не переубеждать.

Мама никогда не была так счастлива, как в тот день, когда получила Ваше письмо.

Как Вы, наверное, уже догадались, в последние годы жизни она была немного не в себе, а к концу наступило такое помутнение рассудка, что трудно было отличить ее притворство от реальности.

Со временем все у нее в голове смешалось.

Когда она воображала более или менее трезво, то – хотите верьте, хотите нет – она думала (или воображала?), что я – это Вы, что это Ричард Гир живет с ней и заботится о ней. Наверное, это было приятнее, чем сознавать, что она находится на попечении ее заурядного бестолкового сына.

– Что у нас сегодня на обед, Ричард? – спрашивала она. – Как я счастлива, что наконец провожу столько времени с тобой, Ричард.

Это было похоже на то, как мы фантазировали, когда я был маленьким, будто к нам на обед пожаловала какая-нибудь знаменитость – Рональд Рейган, святой Франциск, Микки-Маус, Эд Макмагон¹ или Мэри Лу Реттон² – и сидит вместе с нами за кухонным столом на одном из двух стульев, которые никогда не были заняты, за исключением тех случаев, когда к нам приходил отец Макнами.

Как я уже написал выше, мама была Вашей страстной поклонницей. Возможно, Вы тоже обедали у нас, когда я был маленький, но, откровенно говоря, я такого не помню. Как бы то ни было, я подыгрывал ей, так что Вы были представлены в моем лице – хотя, конечно, я совсем не так красив и замена была неадекватной. Надеюсь, Вы не против того, что я вовлек Вас в эту игру без Вашего разрешения. Это незамысловатое развлечение доставляло маме большое удовольствие. Всякий раз, когда Вы приходили, лицо ее вспыхивало, как рождественская елка в «Уонамейкерсе»³. А вообще ее мало что радовало после неудачной химиотерапии и операции на мозге, ее все время тошнило, и боли были страшные, так что я решил поддержать ее притворство, будто Вы и я – одно лицо.

Началось это как-то вечером, после того как мы посмотрели нашу заигранную видеокассету «Красотки»⁴, одного из любимых маминых фильмов.

Когда на экране погасли заключительные титры, она похлопала меня по руке и сказала: – Я иду спать, Ричард.

Я посмотрел на нее, а она улыбнулась мне чуть ли не шаловливо – как те сексуально настроенные девушки с блестящими накрашенными губами, которых я видел, когда учился в старших классах школы. Ее похотливая улыбка была мне неприятна, потому что я знал, что ничего хорошего из этого не выйдет. И потом, это было совсем не похоже на маму. Мне предстояло теперь жить с незнакомым человеком.

– Почему ты назвала меня Ричардом? – спросил я.

Она нежно положила руку на мое бедро и, подмигнув мне, произнесла голосом девицы-кокетки:

– Потому что так тебя зовут, дурачок.

За все тридцать восемь лет, что мы знали друг друга, мама ни разу не называла меня «дурачком».

У меня в желудке начал стучать кулаками в стенку маленький сердитый человечек.

Было ясно, что дела наши плохи.

– Мама, это же я, Бартоломью, твой сын.

Я посмотрел ей в глаза, но она, похоже, не замечала меня. Как будто она видела что-то недоступное мне.

Я подумал, что она, наверное, превратила меня в Вас с помощью какого-то женского колдовства.

Что в ее уме Вы и я слились в одного человека.

¹ Эд Макмагон (Эдвард Лео Питер Макмагон, 1923–2009) – американский комик, диктор телевидения и ведущий игровых передач. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Мэри Лу Реттон (р. 1968) – американская гимнастка, олимпийская чемпионка.

³ «Уонамейкерс» – универмаг в Филадельфии, открытый знаменитым американским торговцем, «отцом современной рекламы» Джоном Уонамейкером (1838–1922).

⁴ «Красотка» – американский фильм 1990 г. режиссера Гэри Маршалла с участием Ричарда Гира и Джулии Робертс.

Ричард Гир.

Бартоломью Нейл.

Мы.

Мама убрала руку с моей ноги и сказала:

– Ты красивый мужчина, Ричард, и я люблю тебя всю жизнь, но я не повторю своей ошибки. Ты сделал выбор и будешь спать на кушетке. До завтра.

После этого она практически взлетела по лестнице. Уже несколько месяцев она не двигалась так быстро.

Мама была в каком-то экстазе.

Ею, казалось, руководила некая высшая сила, как святыми с нимбами на витражах церкви Святого Габриэля. Ее безумие представало как нечто священное. Она чуть ли не сияние излучала.

Хотя все это несколько тревожило меня, я радовался, что мама ожила и была счастлива. А притворяться мне было нетрудно. Я всю жизнь притворялся. Это была игра, к которой привык с детства, так что опыт у меня, несомненно, был.

И вот каким-то образом (как именно такие вещи происходят, знает, наверное, один Бог) со временем эта игра вошла у нас в привычку.

Мы оба начали притворяться.

Она притворялась, что я – это Вы, Ричард Гир.

Я притворялся, что у мамы все в порядке с головой.

Притворялся, что она вовсе не умирает.

Притворялся, что мне не придется жить без нее.

Все это, как говорится, прогрессировало.

К тому времени, когда мама переместилась на кровать в гостиной, где рука ее была проткнута катетером, через который подкачивался морфий для обезболивания, я играл роль Ричарда Гира двадцать четыре часа в сутки, даже когда она была без сознания, потому что так мне легче было увеличивать дозу морфия всякий раз, когда на ее лице появлялась гримаса боли.

Для нее я был теперь не Бартоломью, а Ричардом.

И я решил стать Ричардом на самом деле и дать Бартоломью заслуженную передышку – если для Вас есть в этом какой-то смысл, мистер Гир. Бартоломью уже почти сорок лет сверхурочно работал ее сыном. Если иметь в виду его чувства, то можно сказать, что с Бартоломью содрали кожу, отрубили ему голову и распяли вниз головой – как его тезку-апостола⁵, согласно легендам, только метафорически, конечно, – и в современном мире.

Стать Ричардом Гиром было для меня все равно что накачать мозги обезболивающим морфием.

Когда я был Вами, я преображался, был увереннее в себе, чем когда-либо прежде, лучше владел собой.

Служащие хосписа участвовали в этой мистификации. Я настоял на том, чтобы они называли меня Ричардом, когда мы были у мамы в палате. Они смотрели на меня как на чокнутого, но делали, как я просил, потому что им за это платили.

И за мамой они ухаживали только потому, что им платили. Я не питал иллюзий, что их действительно заботят наши дела. Они поминутно доставали свои мобильники, чтобы посмотреть, который час, а в конце смены надевали пальто с такой радостью, будто отправлялись на какую-то необыкновенную вечеринку, будто это все равно что переместиться из морга прямо на церемонию вручения «Оскара».

⁵ Имени Бартоломью соответствует русское имя Варфоломей.

Когда мама спала, служащие хосписа иногда называли меня мистером Нейлом, но если она просыпалась, я становился Вами, Ричардом, – они выполняли мою просьбу, потому что страховая компания платила им. Они даже обращались к нам очень официально и уважительно.

– Что мы можем сделать для вашей мамы, Ричард? – спрашивали они, когда она просыпалась. Они никогда не называли меня мистером Гиром, что меня вполне устраивало, потому что Вы с мамой с самого начала обращались друг к другу по имени.

Имейте в виду, что мама обожала смотреть Олимпийские игры, никогда не пропускала их – она привыкла смотреть их еще со своей мамой. Это доставляло ей огромное удовольствие – может быть, потому, что за все семьдесят два года, что она провела на этом свете, она ни разу не уезжала из Филадельфии дальше пригородов. Она говорила, что смотреть Игры – это все равно что каждые четыре года бывать в отпуске за границей, даже когда зимние и летние Игры стали устраивать в разные годы – как Вы, я уверен, знаете, – так что проводится они стали каждые два года.

(Прошу прощения за свою болтовню, но я ведь пишу как Бартоломью Нейл, в котором нет абсолютно ничего похожего на Вас. Надеюсь, что не очень Вас раздражаю и Вы простите мне мою заурядность. Когда я пишу Вам, я не притворяюсь Ричардом Гиром. А когда я превращаюсь в Вас, то становлюсь гораздо красноречивее. **НЕСРАВНЕННО**. Бартоломью Нейл не кинозвезда, Бартоломью Нейл никогда не спал с супермоделями; Бартоломью Нейл даже никогда не покидал города, в котором родился (того же, в котором родились Вы, Ричард Гир), Города братской любви⁶; Бартоломью Нейлу все это, увы, предельно ясно. И к тому же Бартоломью Нейл не наделен писательским даром. Как Вы уже поняли.)

Мама обожала спортивную гимнастику и мужчин с треугольным торсом, которые «двигаются, как ангелы-воители». А когда кто-нибудь из гимнастов делал на кольцах крест, она отбивала ладони до красноты. Это был ее любимый снаряд. «Силен, как Иисус в свой худший день», – говорила она. Она не пропускала даже церемонии открытия и закрытия, жадно впитывая все детали. Она смотрела все Олимпийские игры, которые показывали по телевизору.

Но когда мама получила Ваше упомянутое выше письмо, где Вы описывали жестокости, которые китайское правительство творило в Тибете, она решила не смотреть Олимпийские игры в Китае, что было большой жертвой с ее стороны.

– Ричард Гир прав! – сказала она. – Нам следовало бы порвать всякие отношения с Китайской Народной Республикой! То, что они вытворяют с тибетцами, – это ужасно! Почему никто не выступит в защиту основных человеческих прав?

Должен признаться, что я всегда был намного пессимистичнее, покорнее и апатичнее, чем мама, и пытался убедить ее, что посмотреть Игры все-таки *стоит*. (Пожалуйста, простите меня за это, мистер Гир. Тогда я был еще духовно неразвит.) Я говорил, что нигде не будет зарегистрировано, смотрели мы Игры или не смотрели, и это никак не повлияет на международные отношения.

– Никто в Китае не будет знать, что мы бойкотуем их. Какой в этом смысл? – горячился я.

Но мама твердо верила в Вас и Ваше дело, мистер Гир. Она сделала, как Вы призывали, потому что она любила Вас и верила Вам, как ребенок.

А это означало, что я тоже не увижу Олимпийских игр, и поначалу это очень меня тревожило, поскольку нарушало традиционный порядок в доме Нейлов, наше привычное времяпровождение, но впоследствии я примирился с этим. И теперь я думаю, не означает

⁶ Греческое слово «филадельфия» значит «братская любовь».

ли мамин бойкот, ее смерть и то, что я нашел Ваше письмо к ней, – не означает ли все это, что Вам и мне суждено было соединиться каким-то важным космическим образом.

Может быть, это означает, что Вы, Ричард Гир, поможете мне теперь, когда мамы не стало.

Может быть, это было ее предвидением и ее вера принесла свои плоды.

Может быть, мама оставила мне в наследство Вас, Ричард Гир!

Возможно, Вам и мне и вправду суждено быть вместе.

Словно в доказательство синхронистичности⁷ всего этого (Вы читали Юнга? А я читал. Вы удивлены?), мама безжалостно освистывала все выступления китайцев и на Олимпиаде 2010 года в Ванкувере – даже прыжки и пируэты китайских фигуристов, которые были так грациозны. Как раз вскоре после этого я заметил ослабление ее умственной деятельности, если мне не изменяет память.

Это случилось не сразу, началось все с мелочей: она забывала, как зовут людей, с которыми мы встречались ежедневно, оставляла не выключенной на ночь плиту, не могла сказать, какой сегодня день, не могла найти дорогу в районе, где прожила всю жизнь, постоянно теряла очки – часто они были у нее на голове, – было много подобных несурзностей.

(Но Вас, мистер Гир, она никогда не забывала. Каждый день она разговаривала со мной-Вами. Имя Ричард прочно засело у нее в голове.)

Честно говоря, я не могу точно сказать, когда у нее начался этот умственный спад, потому что я довольно долго притворялся, что не замечаю его. Я всегда плоховато справлялся со всякими изменениями. Я не хотел поддаваться маминому помешательству, не сразу решился стать Вами. Я тугодум и нерасторопен, как, несомненно, говорят умные люди вроде Вас.

Врачи сказали, что это не наша вина, что, даже если бы мы обратились к ним раньше, все кончилось бы, по всей вероятности, так же. Они сказали это нам в больнице, когда нас не пускали к маме после операции и мы раскричались. Социальный работник разговаривал с нами в отдельном кабинете, пока мы ждали разрешения увидеть маму. А когда мы увидели ее с забинтованной головой, как у мумии, и с желтой кожей, это было просто ужасно, и, судя по обеспокоенным взглядам медперсонала, мы представляли собой жалкое зрелище.

По нашей просьбе один из социальных работников спросил врачей, не могли ли мы раньше сделать что-нибудь, чтобы рак не развивался, не были ли мы слишком беспечны. Вот тогда-то врачи и сказали, что это не наша вина – даже притом, что мы несколько месяцев не обращали внимания на симптомы, притворяясь, что все в порядке и отмахиваясь от жизненно важной проблемы.

Даже несмотря на это.

Это была не наша вина.

Надеюсь, Вы мне верите, Ричард Гир.

Это была не моя вина и не Ваша.

Вы прислали только одно письмо, но Вы были с мамой до конца – и в ящике с нижним бельем, и, в моем лице, у ее постели. Я был Вашим посредником, Вашим воплощением.

Врачи всё твердили, что мы ничего не могли сделать.

Инфильтративная опухоль мозга, как осьминог, запустила свои щупальца глубоко в мамин разум, и мы никак не могли этого предвидеть или предотвратить, повторяли нам врачи простым и ясным языком, который был бы понятен и менее образованному человеку.

Мы были не виноваты, мистер Гир.

⁷ *Синхронистичность* – термин аналитической психологии К. Г. Юнга, означающий неслучайное, имеющее глубокий смысл совпадение какого-либо явления во внешнем мире с состоянием психики человека.

Мы сделали все, что могли, и даже притворялись, но есть силы, с которыми простым людям не справиться, что подтвердил нам беспомощным и печальным кивком один из социальных работников в больнице.

– Даже такой знаменитый актер, как Ричард Гир, не мог бы обеспечить лучшего ухода своей матери, – сказал он, когда я упомянул Вас и посетовал, что я такой никчемный человек, не смог позаботиться о своей единственной матери, а ведь это было моим единственным занятием, единственной задачей в жизни.

– Жалкое ничтожество! – завопил маленький человечек у меня в желудке. – Дебил! Идиот!

Осьминог у мамы в мозгу прикончил ее всего несколько недель назад, и теперь, после того как операция и химиотерапия не спасли ее, у меня в памяти осталось лишь какое-то мутное пятно, которое то растягивается, то сжимается.

Врачи перестали лечить ее. Они сказали нам:

– Это конец. Мы очень сожалеем. Постарайтесь обеспечить ей по возможности комфортные условия. Уделяйте ей побольше времени. Поговорите с ней напоследок.

– Ричард? – прошептала мама в ту ночь, когда она умерла.

И это было все.

Одно.

Единственное.

Слово.

Ричард?

Вопросительный знак слышался явственно.

Этот вопросительный знак преследует меня.

Он навел меня на мысль, что всю ее жизнь можно обозначить знаками препинания.

Я не был расстроен тем, что последнее слово, произнесенное мамой, было обращено не к ее родному сыну, а к Ричарду, потому что оно включало и меня, воображаемого двойника Ричарда Гира.

В тот момент я был Ричардом.

Не только в ее воображении, но и в моем.

Притворство может пригодиться в самых разных случаях.

Теперь мы слышим, как птицы щебечут утром, когда мы сидим на кухне и в одиночестве пьем кофе, хотя сейчас зима. (Это, должно быть, очень выносливые городские птицы, которые не боятся низких температур, или же слишком ленивые, чтобы улетать.) Мама всегда включала телевизор на полную громкость – она любила «слушать, как говорят люди», так что раньше мы даже не знали об этих птицах. За все тридцать девять лет, проведенных в этом доме, мы впервые услышали, как птицы щебечут солнечным утром, пока мы пьем кофе на кухне.

Целая птичья симфония.

Вы когда-нибудь слушали, как щебечут птицы, прислушивались по-настоящему?

Это так красиво, что в груди становится больно.

Венди, мой консультант по переживанию утрат, говорит, что мне надо больше общаться с людьми и образовать «группу поддержки» из друзей. Венди была у нас на кухне как-то утром, когда птицы пели, и, услышав их, остановилась на середине фразы, прислушалась, прищурила глаза и сморщила нос.

– Слышите? – спросила она.

Я кивнул.

Победная улыбка расцвела на ее лице, и она произнесла жизнерадостным тоном чирлидерши, как может произнести только такой, как она, молодой человек:

– Им нравится быть вместе, в стае. Слышите, как они счастливы, как им весело? Вам тоже надо найти свою стаю. Покинуть наконец гнездо, так сказать. Полетать. *Полетать*, Бартоломью! Вокруг полно свободного неба для смелых птиц. Вы хотели бы полетать, Бартоломью? А?

Венди произнесла все это очень быстро, так что к концу своей ободрительной тирады совсем выдохлась. Лицо ее покраснелось, как грудка у малиновки, – оно краснеет у нее всякий раз, когда ей кажется, что она сказала что-то необыкновенное, чрезвычайно важное. Посмотрела на меня широко раскрытыми – «калейдоскопическими», как поют «Битлз»⁸, – глазами, и я понял, что я должен сказать в ответ на ее призыв, чего она ждет, что сделает ее счастливой, придаст смысл ее пребыванию в моей кухне и докажет, что ее усилия были не напрасны, – но я не мог сказать это.

Просто не мог.

Я с трудом сдерживал себя. Часть меня – злая черная сердцевина, где живет маленький сердитый человечек, – хотела схватить Венди за ее птичьи плечи, растряссти ее, пока не отвалятся все веснушки с ее красивого молодого лица, и крикнуть ей во всю мочь, чтобы ее волосы сдуло назад от моего крика: «Я же старше тебя! *Прояви ко мне уважение!*»

– Так как же, Бартоломью? – спросила она, глядя из-под тонких бровей такого же оранжевого цвета, как хрусткие листья на тротуаре.

– Я не птичка, – ответил я ей самым спокойным тоном, на какой был способен в тот момент, и свирепо уставился на коричневые шнурки своих ботинок, стараясь держать себя в руках.

Я не птичка, Ричард Гир.

Я знаю, что Вы это знаете, потому что Вы умный человек.

Не птичка.

Не птичка.

Не.

Птичка.

*Ваш преданный поклонник
Бартоломью Нейл*

⁸ «Girl with kaleidoscope eyes» – цитата из песни *The Beatles* «Lucy in the sky with Diamonds» (1967).

2

Парень, который водился с проститутками

Дорогой мистер Гир!

Чтобы заполнить пробел в нашем общем знании друг друга, я пошел в библиотеку и набрал Ваше имя в «Гугле».

Посетителям библиотеки разрешается искать в интернете все, что угодно, кроме порнографии. Я знаю это, потому что однажды видел, как одного мужчину с седыми дредами, из-за которых его голова была похожа на сухое пыльное растение, выгнали из библиотеки за то, что он смотрел в интернете порнографию. Он сидел рядом со мной и все время потирал пах сквозь грязные, невероятно мешковатые джинсы. На экране две обнаженные женщины, стоя на четвереньках, как собаки, лизали друг у друга анус. Они все время стонали «о-о-о-йе-е-е-е!» или «м-м-м-м-о-о-о-йе-е-е-е!». Помню, я не мог удержаться от смеха. Смешно было не потому, что этого типа выгнали, а потому, что женщины вели себя как собаки.

(Неужели людям действительно нравится смотреть на женщин, которые так себя ведут? Верится с трудом, но раз они есть в интернете, значит существует спрос. И смотрят это, наверное, не только чокнутые посетители библиотек, но и люди, у которых дома есть компьютер, – там-то это никто не запрещает.)

Подшла пожилая библиотекарша и сказала:

– Сэр, это не разрешается. Здесь нельзя так себя вести. Это абсолютно недопустимо! Существуют правила. Пожалуйста, прекратите, сэр.

Человек не хотел уходить и стал орать на библиотекаршу:

– Я вам не сэр! Я мужчина! МУЖ-ЧИ-НА! ЧЕ-ЛО-ВЕ-ЧЕС-КОЕ СУ-ЩЕ-СТВО!

Библиотекарша в испуге отшатнулась от него. То, что он кричит на нее, ей не понравилось.

Все присутствовавшие в зале повернулись на шум и уставились на них.

Я был рад, что Библиодевушка в этот день не работала и не видела всего этого.

Библиодевушка не справилась бы с такой ситуацией, и мне нравится в ней это качество. Она действует восхитительно неторопливо. Прежде чем что-то предпринять, она долго все обдумывает. Я наблюдал однажды, как она разбирает старые разодранные книги. Я не знал точно, но, судя по всему, она должна была решить, какую из книг можно сброшюровать и оставить, а какую выбросить. Большинство людей осмотрели бы книгу бегло и отложили бы ее в ту или другую сторону, на реставрацию или на выброс, а она очень внимательно рассматривала каждую книгу, как если бы это была драгоценная мертвая бабочка, которую она могла бы оживить и пустить летать, действуя очень осторожно. Я наблюдал за Библиодевушкой целых три часа с другой стороны зала, притворяясь, что читаю газету. Это было удивительное зрелище. Но потом подошла другая библиотекарша и выругала ее за то, что она тратит столько времени:

– Они же не позолоченные, Элизабет!

Библиодевушка вздрогнула при этих словах и спряталась под массой длинных каштановых волос, закрывавших ее лицо как какой-нибудь водопад, маскирующий вход в таинственную пещеру. Старшая библиотекарша в считанные минуты рассортировала оставшиеся книги, а Библиодевушка, поникнув, наблюдала за этим сквозь свои волосы. Я видел, как ее руки хотели дотянуться до некоторых забракованных книг, но приподнимались с ее колен,

обтянутых белым вельветом, всего на несколько дюймов – она пресекала порыв, хотя ей явно хотелось вмешаться и сбросить эти книги.

Вы замечали, Ричард Гир, что слишком часто наиболее достойные люди не обладают достаточной силой?

Китай обладает силой.

Тибет не обладает.

Вас не удивляет, что я интересуюсь делом, которому Вы преданы, и кое-что знаю о нем?

Когда пришли полицейские, человек, смотревший порнографию (очевидно, бездомный: запах от него исходил, как от рыбьих внутренностей, гниющих в старом кожаном сапоге), затряс головой, словно находился в полном смятении и был даже крайне разочарован, и закричал:

– Я платил налоги всю свою жизнь! Постоянно! Тысячи долларов. Я финансировал правительство, которое наняло вас на работу! Вас! И вас! И *вас*! Вы государственные служащие, работаете на всех граждан, на *нас*, а не наоборот! Так что я *ваши хозяин*. И *ваш*, и *ваш*, и *ВАШ!* – Он указывал пальцем на библиотекарей и полицейских. – Я хочу сделать заявление! Это свободная страна! Если я хочу смотреть порнографию, то, согласно американской конституции, я имею на это полное право. Порнография открыта для всех!

Он принялся рассуждать о том, как любили секс американские президенты. Запятнанные брюки Билла Клинтона. Любовницы-рабыни Томаса Джефферсона. Джон Фицджеральд Кеннеди и Мэрилин Монро. Я тут же записал все эти сведения в свой блокнот, потому что это было интересно, спонтанно, жизненно, пусть даже не подтверждено фактами и наверняка преувеличено.

Но я увидел во всем этом некий важный момент, который большинство людей не понимают: этот человек утверждал, что он имеет право говорить открыто и свободно, а стремление утвердить себя может быть важнее, чем общепризнанная истина – то, что все считают фактом. (В данном случае их истина была в том, что бездомный не может ставить себя на одну доску с людьми, у которых есть дом, и тем более говорить с ними так самоуверенно.) Иногда факты не так важны, как то, во что человек верит. Это позволило бездомному высказать все, что он думает. Почти никто из государственных служащих не говорит того, что думает, и потому-то они так испугались этого бездомного. Он нарушил спокойное течение их жизни своей порнографией и интересными заявлениями насчет президентов. Если бы только больше людей утверждали свою личную истину с благородными целями. Если бы Библиодевушка утверждала себя более решительно, она совершила бы много добра, я уверен в этом. Беда в том, что решительно действуют, утверждая свою истину, только сумасшедшие. Вы замечали это?

Я всегда записываю интересные и важные вещи.

Я не смотрю порнографию, потому что я католик, и стараюсь не заниматься мастурбацией, хотя мне не всегда удается удержаться.

Вы когда-нибудь мастурбируете, Ричард Гир?

Уверен, что Вы давно уже этого не делаете – уж во всяком случае, с тех пор, как стали знамениты. Когда ты женишься на супермодели вроде Синди Кроуфорд, тебе, наверное, нет никакой необходимости заниматься мастурбацией. (Я знаю, что теперь Вы женаты не на Синди Кроуфорд, а на Кэри Лоуэлл. Я уже писал, что собирал сведения о Вас.) Зачем нужна порнография, если у тебя дома такие красивые женщины?

Интересно, а буддистам разрешается мастурбировать?

Раньше я привязывал руки к спинке кровати, чтобы не начать мастурбировать ночью во сне; привязаться можно и без посторонней помощи, если освоишь искусство делать правильные петли для запястий. Мама безропотно высвобождала меня в сколь угодно ранний час, если я кричал, что хочу на свободу, но однажды она мрачно сказала мне, что лучше

уж мастурбировать, чем заниматься сексом с какой-нибудь незнакомой женщиной, больной СПИДом, или герпесом, или гриппом. Она сказала, что при этом можно запросто заразиться гриппом, что ежегодно множество людей умирают от гриппа, и по этой причине каждый сентябрь нам делают прививки от гриппа в «Райт эйд»⁹.

Но еще мама сказала, что, если мне надо получить удовлетворение, я должен позаботиться об этом сам. Она сказала это мне, когда мне было двадцать с лишним лет и меня арестовали за то, что я пытался снять проститутку, которая оказалась переодетым копом.

Отец Макнами нанял для меня адвоката, а также отвел в благотворительный магазин, чтобы купить мне костюм. Продавцы в этом магазине были гомосексуалистами и потому, как сказал отец Макнами, знали толк в модах и фасонах. Они встретили нас приветливо и помогли мне выбрать отличный костюм для зала суда.

– Как он выглядит? – спросил их отец Макнами, когда я вышел из примерочной.

– Невинно, – ответил один из гомосексуалистов и гордо улыбнулся.

– Католики ведь не должны одобрять гомосексуализм, верно? – спросил я отца Макнами по дороге домой.

– Католики не должны также попадать в тюрьму за попытку воспользоваться услугами проститутки, – бросил он чуть ли не сердито, хотя знал, что я был (и даже выглядел) невинным.

– Мне понравились гомосексуалисты, которые помогли мне выбрать костюм. С точки зрения Католической церкви это грех? – спросил я. – Я спрашиваю чисто теоретически.

– Только между нами: это не грех, – сказал отец Макнами. – Мне они тоже понравились.

А Харви я знаю уже тридцать лет.

– Кто такой Харви?

– Владелец магазина – и мой друг.

– Значит, у вас есть друзья-гомосексуалисты?

– Разумеется, – ответил он, но проговорил это почти шепотом.

Как-то во время обеда у нас дома мама сказала отцу Макнами:

– Семьдесят пять процентов священников – геи. Потому-то церковь и объявила гомосексуализм грехом. Иначе в каждом доме священника устраивались бы настоящие римские оргии.

Они оба долго смеялись над этим – может быть, потому, что выпили уже несколько бутылок вина.

При рассмотрении дела судья сказал, что это была провокация преступления, потому что женщина-полицейский, на которой был розовый парик, кожаная мини-юбка и бюстгальтер с двумя жесткими остроконечными конусами, а также туфли на невысимо высоких каблуках, остановила меня, когда я шел из библиотеки домой, потерлась о мою ногу, назвала меня «большим беби» и «папочкой» (что было непонятно: как можно быть одновременно младенцем и папочкой?) и попросила денег.

Я спросил, сколько денег ей надо, и она сказала:

– Двадцать за отсос, шестьдесят за все, что хочешь.

(Позже я записал это в блокнот среди прочих интересных вещей, которые я слышал.)

Никогда еще никто не терся так о мою ногу. Я словно застыл во времени и пространстве, как какой-нибудь пещерный человек, вмерзший в льдину или, может, в янтарь. Это был какой-то необычный момент. Я был согласен дать этой женщине с розовыми волосами денег и кивнул – в основном для того, чтобы доставить ей удовольствие, а также потому, что во рту у меня пересохло и говорить было трудно.

⁹ «Райт эйд» – американская фармакологическая фирма.

Вообще-то я подумал также, что после этого она снова потрется о мою ногу, а это было очень приятно: было такое чувство, будто я – стопка блинов, а она – кусок масла, тающий на мне и стекающий вниз. А еще я сделал это, потому что она гипнотизировала меня своими губами, глазами и мыслями, своей косметикой, запахом и потом; мне хотелось, чтобы она вечно терлась о мое бедро.

Блин с маслом.

Было так радостно, будто я выиграл какой-то приз.

Но стоило мне достать деньги из кошелька, как из-за деревьев и мусорных баков повыскакивала вся эта орава с пистолетами и блестящими жетонами и заорала мне, чтобы я встал на колени и держал руки за головой.

Они орали это в мегафон, от которого было больно ушам и возникало ощущение, будто целый рой рассерженных ос сверлит мой мозг. А когда они завели мне руки за спину и надели наручники, я так перепугался, что обмочил штаны, а копы заорали, что не желают, чтобы «этот зассанец» пачкал сиденье их патрульной машины. Один из них назвал меня «грёбаным дебилом» – я запомнил это выражение, потому что позже записал его в свой блокнот. Мне не нравится, когда меня называют дебилом, а меня называли так довольно часто. Но это несправедливо и, я думаю, даже жестоко.

– Еще один грёбаный дебил, – сказал он. – Посмотрите только, он обоссался!

Все засмеялись, а женщина в розовом парике закурила сигарету, закатила глаза и покачала головой.

– Следовало бы избавить этот жалкий мешок дерьма от его ничтожного существования, – произнес один низенький коп.

Он был одет как бродяга, но с шеи у него свисал жетон, поблескивавший в свете уличных фонарей. В руке он держал маленький современный пистолет – такой, какие показывают у копов по телевизору. Я испугался, что он действительно пустит мне пулю в лоб: у него был такой взгляд, будто он считал, что я недостойн существовать на этом свете и все, что ему требовалось, – это нажать на спусковой крючок. Вся сила была на его стороне.

– Я сожалею, – сказал я совершенно искренне. Мне было неудобно, что я вызвал всю эту суматоху. Я уже готов был согласиться с тем, что этот сердитый коп говорил обо мне. – Я не хотел причинять никому неприятности.

Он с отвращением потряс головой, словно я был кучей собачьего дерьма, в которое он случайно вляпался, и пошел прочь, обтирая подошвы о край тротуара, пока совсем от меня не очистился.

Надеюсь, Ричард Гир, Вы уже поняли, что я не дебил.

Мой коэффициент умственного развития выше среднего.

По крайней мере, мама так всегда говорила. Она говорила, что я показал исключительно высокий результат во время специального теста ай-кью, который мы обязаны были пройти в начальной школе, но мир не всегда правильно оценивает умственное развитие.

– В этом мире любят деньги, а не правду, и потому нас вечно обманывают, – говорила она.

И всегда саркастически смеялась при этом.

– А ты просто немного отличаешься от других, – говорила мама. – Причем в лучшую сторону. В самую лучшую. Ты мой замечательный сын, Бартоломью Нейл. Я так люблю тебя.

Венди, мой юный консультант по утратам, говорит, что у меня «нарушение эмоциональности» и «задержка в развитии» из-за того, что я столько лет находился в отношениях «взаимной зависимости» с моей матерью.

По-моему, мама не очень нравилась ей.

Однажды она сказала, что мама питалась мною, будто мама была каким-то каннибалом с кольцом в носу и варила меня в большом котле на куче горящих поленьев.

Но мама была совсем не такая, никакой не каннибал.

Я все это записал.

Венди сказала, что у меня «нарушение эмоциональности» и «задержка в развитии», когда я спросил ее, зачем мне консультант по переживанию утрат, если я больше не переживаю свою утрату. Я смирился с тем, что мама умерла, не плачу по ночам и не делаю ничего такого, так что она зря тратит на меня свое время.

– Благодаря морфию она умерла без мучений, – сказал я. – И я встречаюсь с ней на небесах.

Консультант Венди проигнорировала мое замечание о небесах:

– Вы говорите, что не плачете по ночам. *Пока*. По всей вероятности, вы подавляете в себе слишком много эмоций.

– Разве птички подавляют в себе эмоции? – пошутил я, глядя на свои шнурки.

Венди искренне засмеялась, и я почувствовал, что поставил девушку в тупик ее же метафорой и, значит, я все-таки не debil.

Возвращаюсь к описанному выше случаю. Маме пришлось приехать, чтобы освободить меня из тюрьмы, но это произошло не сразу, так что к тому времени мои джинсы просохли. Правда, еще до этого я успел натереть себе мокрыми джинсами бедра, так как непрерывно ходил взад-вперед, пока был в заключении.

В моей камере сидел интересный пуэрториканец, намазанный косметикой. Когда копы за нами не наблюдали, он посылал мне воздушные поцелуи и обещал «зарезать небожно». Что он пуэрториканец, я понял потому, что у него на футболке было написано: «пуэрториканцы трахаются лучше». Хотя, возможно, он не был пуэрториканцем, а просто любил заниматься сексом с пуэрториканцами. Как бы то ни было, это было интересно, и я записал это.

Когда меня отдали маме на поруки и она отвезла меня домой, она сказала, что мне, возможно, лучше удовлетворять себя самому, то есть, как иногда говорят, заниматься онанизмом, пусть даже Католическая церковь считает это грехом. Она не сердилась на меня серьезно за то, что меня арестовали, особенно после того, как я рассказал ей, как это произошло – как эта женщина в розовом парике, в сущности, выпрыгнула из какого-то переулка и, не успев я что-либо сообразить, как она начала тереться о мою ногу. Мама кивнула и сказала, что должна была бы объяснить мне насчет самоудовлетворения прежде, чем все это случилось, но такие разговоры обычно ведут отцы, а мой отец умер, когда было еще слишком рано говорить со мной о сексе, так что это не ее вина.

В ту ночь мама пришла ко мне в комнату, села на край моей постели, как делала, когда я был маленьким, указала на распятие, висевшее у меня над головой (ее подарок к моей конфирмации), и сказала:

– Этот парень водился с проститутками. И его тоже арестовали. Так что ты попал в хорошую компанию, Бартоломью. Не слишком переживай из-за всего этого, ладно?

Я ничего не ответил, и она добавила:

– Жаль, что тебе не попала Вивьен Уорд вместо этого переодетого копа.

Она имела в виду женщину, которую играла Джулия Робертс в «Красотке», ну, Вы-то знаете.

– Но я хочу большего, я хочу, чтобы сбылась сказка, – сказала она точно так же, как Джулия Робертс сказала Вам в фильме. – Я хочу, чтобы она сбылась для тебя. У меня самой ничего не получилось, так пускай получится у тебя. Ты только верь в сказку, ладно? И верь, что даже у некоторых проституток доброе сердце. Верь в это или даже притворись, что веришь!

Не знаю почему – может быть, потому, что мама всегда связывала столько надежд со мной, а я никак не мог подтвердить ее дерзкие подозрения относительно ее единственного сына, – но мне пришлось отвернуться от нее. Я почувствовал, что вот-вот расплачусь, в

глубине глаз что-то давило. Мама провела рукой несколько раз сквозь мои волосы, как она делала, когда я был маленьким. И хотя я слишком уже вырос для того, чтобы меня убаюкивали таким образом, это было приятно. Маленький сердитый человечек у меня в желудке уснул. Очевидно, ее рука в эту ночь была способна творить чудеса.

– Я очень хочу, чтобы у тебя сбылась сказка, мой дорогой доверчивый мальчик, – повторила она и, выключив свет, вышла из комнаты.

Моего отца, по всей вероятности, убили куклуксклановцы, которые ненавидели католиков, и я его совсем не помню. Теперь уже забыли, что когда-то куклуксклановцы ненавидели католиков не меньше, чем черных или евреев. Мама сказала, что из-за священников-педофилов людей больше не волнует, если кто-то ненавидит католиков, и никто не задумывается о том, что куклуксклановцы, возможно, продолжают их ненавидеть. Еще она сказала, что если священники будут по-прежнему приставать к маленьким мальчикам, то рейтинг у Католической церкви там, на небесах, будет даже ниже, чем у ку-клукс-клана. Она считала, что именно поэтому убийц моего отца не искали и газеты об этом даже не стали писать, так что неудивительно, что я не смог ничего найти об этом в библиотеке.

– Когда-то католикам приходилось очень несладко в этой стране, – говорила мама, когда я был еще маленьким. – Твой отец был добрым католиком, но однажды вышел купить пачку сигарет – и больше его не видели. В полиции сказали, что он бросил нас и завел другую семью в Монреале, откуда он родом, но мы-то знаем правду.

Так что мама старалась, как могла, и нельзя обвинять ее в том, что меня арестовали. Однажды я спросил ее, был ли отец тоже выдумщиком, и она ответила, что был. По-видимому, он во многом был похож на меня.

Но почему отец не смог подарить маме сказку?

Почему большинство людей не могут сделать это друг для друга?

Вы не знаете, Ричард Гир?

Может быть, работа в кино научила Вас этому?

Ваш преданный поклонник

Бартоломью Нейл

3

Увы, я, похоже, не телепат

Дорогой мистер Гир!

Сегодня утром я проснулся, поставил вариться кофе и только хотел послушать вынос-ливых (или ленивых) утренних птиц, как маленький сердитый человечек у меня в желудке в негодовании завопил: «Идиот! Неандерталец! Тупица!»

Это было очень странно, я никак не мог понять, что его так рассердило. Обычно я сразу понимаю, чем он недоволен, потому что обычно я и сам недоволен тем же.

Но тут, сколько я ни думал, ничего не приходило в голову.

Я приготовил кофе и только сделал первый глоток, как до меня дошло.

Рассказывая Вам в прошлом письме о самых разных, не связанных друг с другом событиях, я совсем забыл о том, ради чего я сел писать его. Я даже ничего не сообщил Вам о самом важном, что было вчера, когда я ходил в библиотеку. Наверное, я действительно колоссальный ярко выраженный идиот.

(Что-нибудь интересное всегда уводит мои мысли в сторону, и часто людям трудно поддерживать со мной беседу, так что я стараюсь поменьше разговаривать с незнакомцами и предпочитаю писать письма, в которых можно спокойно изложить всё, не то что в разговоре, где нужно всюду пыhtеть, чтобы успеть сказать то, что ты хочешь, и почти никогда это не удается.)

А в библиотеке я нашел статью в «Хаффингтон пост», где говорилось, что далай-лама благословил Вас в храме Махабодхи в Бодх-Гая. Газета была от 18 марта 2010 года. Там были также фотографии. На одной Вы кланяетесь далай-ламе, а он наклонился и касается руками Вашего лба таким жестом, будто молится, а на другой Вы молитесь с открытыми глазами и в наушниках фирмы «Боуз», на вид очень дорогих. Мне стало интересно, что это Вы слушаете. На левом запястье у Вас были деревянные четки, а на правом старый кожаный ремешок от часов. Судя по Вашим глазам, на Вас нашло вдохновение. Вы помните этот день?

Вы видели эту фотографию?

Получить благословение далай-ламы – это, наверное, очень большая честь, и я хочу поздравить Вас прямо сейчас, хотя это событие произошло почти два года назад. Наверное, это эквивалентно встрече с римским папой. Я был бы очень возбужден, если бы встретил папу, даже этого нового папу, немца. Мама не любила немцев, потому что ее отца убили на Второй мировой войне. (Я ничего не имею против немцев.)

Потом я нашел статью в «Сиракьюз буддизм экзаминар». В ней говорилось, что «журнал „Тайм“ в обзоре самых значительных событий последних 12 месяцев назвал самосожжение тибетских монахов „главным недостаточно освещенным событием“ 2011 года». Там же был помещен снимок монаха, который поджег себя. Он был похож на столб горящей лавы. Не верилось, что этот человек сжигает себя заживо, потому что он стоял совершенно спокойно, а красновато-оранжевое пламя было почти красиво.

(Я также подумал, почему смотреть в интернете в публичной библиотеке на горящего человека считается нормальным, а на двух обнаженных женщин, лижущих друг друга, не считается. Кто устанавливает эти правила? Смерть – это нормально, а секс – нет. Матери должны умирать. Рак настигает тебя, когда ты меньше всего этого ожидаешь.)

Я долго смотрел на горящего монаха, но никак не мог заставить себя поверить, что это реальный человек. Не то чтобы я не верил заголовку и сомневался в нем, просто мне трудно было поверить, что такие вещи действительно случаются. Что люди на другой стороне земного шара способны так переживать из-за *чего бы то ни было*, что поджигают самих себя.

Насколько я понял, эти монахи совершили самосожжение, чтобы привлечь внимание к Вашей общей цели – возвращению далай-ламы в Тибет.

Еще в статье было написано, мол, «журнал „Тайм“ признает, что сейчас, чтобы вопрос о Тибете попал в новости, надо, чтобы президент США возмутил Пекин встречей с далай-ламой или знаменитый человек вроде Ричарда Гира начал сбор средств».

Когда я прочитал это, то был потрясен: Вы, *мой* друг Ричард Гир, влиятельнее президента США, потому что его даже не назвали по имени, а Вас назвали.

Интересно, что ты чувствуешь, если ты более знаменит и влиятелен, чем Барак Обама?

Я понял также, что, устроив званый обед, Вы можете сделать для далай-ламы больше, чем буддистские монахи, заживо сжигающие себя. Их жертва остается почти без внимания, потому что они никому не известны, а то, что Вас благословил далай-лама, было напечатано в «Хаффингтон пост».

Вы, Ричард Гир, влиятельный человек.

Я рад, что в этот трудный период моей жизни решил довериться именно Вам. Чем больше я узнаю о Вас, тем лучше я понимаю, что мама была права, сохранив Ваше письмо в ящике для нижнего белья. Возможно, она знала, что мне понадобится Ваш совет, когда ее уже не будет, и хотела, чтобы я нашел Ваше письмо и понял, что это ключ. Получается, что она все еще помогает мне, устроив так, чтобы мы с Вами переписывались.

На сайте, который называется «Тибетское солнце», я прочитал (и записал в свой блокнот для интересных вещей) следующее: «Сообщают, что бывший буддистский монах, который поджег себя на прошлой неделе в знак протеста против китайского правления в Тибете, умер от ожогов. Это уже двенадцатый тибетец с марта этого года, протестующий таким образом против пекинской политики. Семеро из них, согласно сообщениям, умерли».

Двенадцать монахов сожгли себя ради того, к чему стремитесь и Вы.

Разумеется, это напомнило мне о двенадцати учениках Иисуса Христа, включая моего тезку Варфоломея (которого иногда называют Нафанаилом).

Я подумал, что, может быть, Вы, Ричард Гир, современный буддистский Иисус Христос.

Интересно, а Вы никогда не думали о том, чтобы сжечь себя, раз Вы тоже буддист? Представляете, какой шум подняла бы пресса?! Все во всем мире были бы как громом поражены, если бы знаменитый голливудский актер и филантроп Ричард Гир совершил самосожжение.

Представляете, какое бы это произвело впечатление!

Это была бы Ваша самая знаменитая роль!

Но я от всей души надеюсь, что Вы не предадите себя огню, потому что я ведь только-только начал переписку с Вами. Я хотел бы продолжить этот разговор, так что, пожалуйста, не идите путем тибетских монахов. Я думаю, живой Вы можете сделать гораздо больше, чем мертвый, и похоже на то, что их жертвы бессильны против Китая. И ведь есть еще Ваше письмо-ключ, найденное в мамином ящике для нижнего белья. Может быть, Вам предназначено помочь не только далай-ламе, но также и мне, Бартоломью Нейлу. Ваше самосожжение никак не поможет мне в текущий момент, – по крайней мере, я не вижу, каким образом оно могло бы помочь.

Никто в Соединенных Штатах даже не знает, что эти монахи приносят такие колоссальные жертвы, и их судьба приводит меня в уныние.

«Жизнь – дерьмо», – говорит мой консультант по утратам, молодая рыжеволосая Венди, всякий раз, когда наш разговор заходит в тупик.

Это ее стандартная фраза по умолчанию.

Мудрость, предназначенная для меня.

«Жизнь – дерьмо».

Когда она говорит это, то как бы притворяется, что нас с ней связывает не ее работа, а человеческая дружба. Мы как бы пьем пиво в баре вроде друзей, которых показывают по телевизору.

«Жизнь – дерьмо».

Она произносит это даже шепотом, как бы понимая, что не должна мне говорить это, но хочет, чтобы я знал, что ее оптимистический тон и позитивные утверждения – это притворство, часть игры.

То же самое, что быть птичкой.

Я соединяю воображаемыми линиями веснушки на ее лице, чтобы получались картинки, такие новообразованные созвездия. Если очень постараться, то можно нарисовать сердце.

Лицо у нее овальное.

Глаза ее иногда бывают как майское небо в субботний день, а иногда они такого же цвета, как льдина с белым медведем.

Она красива, как маленькая сестренка.

Но вернемся к монахам. Я не уверен, что поджег бы себя ради какой бы то ни было цели, и иногда меня беспокоит, что я не верю во что-нибудь настолько, чтобы теперь, когда мне не надо больше заботиться о маме, внести значительный вклад в общее мировое дело.

Иногда мне хочется, чтобы у меня была цель и были чувства, какие Вы, наверное, испытываете в отношении возвращения далай-ламы в Тибет, но мои чувства никогда не достигали такой интенсивности.

До сих пор я обычно был удовлетворен, проводя время с мамой, и она тоже говорила, что проводить время вместе со мной – это замечательно.

Она говорила, что я ей нужен, и мне было приятно, что я нужен.

Она никогда не давала мне понять, что я должен делать что-то еще в жизни – например, зарабатывать деньги или пить пиво с друзьями в баре, – и иногда я беспокоюсь, не было ли ее нетребовательное отношение ко мне ошибкой, особенно при воспитании сына, растущего без отца.

Теперь, когда мамы больше нет с нами, я думаю, не пора ли мне найти что-нибудь, что вызывало бы у меня сильные чувства. Прежде, чем мне исполнится сорок лет. Я хотел бы выпить пива с другом в баре – хотя бы раз.

Мне хотелось бы сводить Библиодевушку в какое-нибудь приятное место, может быть к дамбе за Музеем искусств – там можно слушать, как течет река.

Венди говорит, что «следующая фаза моей жизни», возможно, будет лучшей. Хочется верить ей, но она ведь всего лишь молодая девушка, которая пока не так уж много испытала в жизни. Она мне нравится, но я не считаю ее своим «доверенным лицом».

Вы мое «доверенное лицо».

Я хотел бы выпить пива с Вами в баре, Ричард Гир.

Что Вы об этом думаете?

Я с радостью прислушался бы к Вашему совету.

Как по-Вашему, должен я испытывать сильные чувства по отношению к чему-нибудь?

Должен признаться, чем больше информации я собираю в интернете, тем больше я симпатизирую *Вашему* делу, Ричард Гир.

Далай-лама, по-моему, необыкновенно симпатичный человек. Я читал о нем и о его философии. Он говорит, что мы должны перебороть наше чувство своего «я».

Далай-лама говорит: «Мы должны понять, что страдания одного человека или одной нации – это страдания всего человечества. А счастье одного человека или нации – счастье всего человечества».

В книге далай-ламы «Глубокий ум» Вы пишете в послесловии, что наша жизнь похожа на луч света из кинопроектора, освещающий экран, который сам по себе пуст. Мне это очень понравилось. Это хорошо, это прекрасно.

Это правда?

Мне надо почитать еще о буддизме.

А в отношении того, чтобы испытывать чувства, мне, наверное, лучше начать с чего-нибудь не столь значительного, как противоборство с Китаем.

Я даже не могу заговорить с Библиодевушкой, хотя втайне пытаюсь сделать это вот уже несколько лет. У меня нет такого преимущества, как у Вас, я не так красив. Ростом я шесть футов три дюйма, у меня слишком много волос на руках и в ушах, а на голове слишком мало. К тому же я уверен, что мой нос несимметричен. Никто никогда не говорил мне это и не смеялся над этим, но зеркала не врут.

Иногда я в уме посылаю Библиодевушке сообщения, но она, по-видимому, не умеет читать мысли на расстоянии. Увы, я, похоже, тоже не телепат.

Буду благодарен за любой совет, какой Вы можете предложить.

*Ваш преданный поклонник
Бартоломью Нейл*

4

В конце концов мне придется забраться внутрь отца Макнами и проверить, все ли там на месте

Дорогой мистер Гир!

В прошлую субботу отец Макнами был явно не в себе.

Сначала он объявил, что отслужит мессу за упокой души моей мамы, хотя я не заказывал ее, не заполнял соответствующего бланка и не сделал необходимого пожертвования. И что еще более странно: он ведь уже отслужил по ней заупокойную службу на предыдущей неделе. Вы, как буддист, может быть, не знаете, но посвящать две службы подряд одному лицу не принято.

После этого отец Макнами настоял на том, чтобы зажечь кадильницу с благовониями, как делают только на похоронах, на Пасху или на Рождество. Это очень огорчило других священников, которые пытались остановить его, положив руку ему на плечо и горячо шепча ему что-то, но им не удалось его переубедить. Другие священники перестали горячо шептать только после того, как в результате борьбы отца Макнами с ними шар кадильницы с благовониями вырвался из его рук, как камень из рогатки, и полетел к окну с витражным стеклом. Все так и ахнули, но, к счастью, гравитация победила, и кадильница ударилась о каменную стену, выпустив целое облако благовоний. Алтарные мальчики кинулись разгонять облако и наводить порядок.

А отец Макнами даже не обратил внимания на произошедшее.

В нормальной обстановке он отпустил бы какую-нибудь шутку – может быть, о Давиде и Голиафе, – он бывает очень остроумным и пользуется популярностью. На лотереи, которые отец Макнами проводит с большим вдохновением, стекаются сотни старушек; он часто собирает деньги на какое-нибудь достойное дело своими выступлениями, представляющими собой смесь проповеди и фарса. Однако на этот раз он никак не успокоил испуганную конгрегацию, и в воздухе церкви Святого Габриэля физически ощущалось напряжение.

Что-то было не так.

Все это чувствовали.

Другие священники обменивались взглядами.

Но месса продолжалась, и постепенно все втянулись в привычный субботний ритуал, пока дело не дошло до проповеди.

Отец Макнами занял место за кафедрой, крепко схватился за нее руками, нагнул голову и, наклонившись вперед, уставился на нас, не говоря ни слова.

Так продолжалось, наверное, целую минуту, и это напугало людей даже больше, чем инцидент с кадильницей.

– Ммммммммм, – наконец сказал или, точнее, простонал он.

Этот звук, казалось, долго назревал в нем наподобие какого-то чудовищного пузыря, ожидавшего подходящего момента, чтобы вырваться наружу и лопнуть.

Затем отец Макнами принялся хохотать, пока слезы не заструились по его лицу.

Перестав хохотать, он содрал с себя сутану и, оказавшись перед нами в нижней рубашке и брюках, произнес:

– Я отрекаюсь от обета! В этот самый момент я складываю с себя сан!

Все только рты разинули.

А отец Макнами удалился в помещение для священников.

Прихожане стали переглядываться и тихо переговариваться, пока не встал отец Хэчетт. Он сказал:

– Давайте споем сто семьдесят второй гимн «Я виноградная лоза святая».

Заиграл орган, все дружно встали, заскрипев скамейками, и с облегчением запели, восстанавливая привычный порядок.

Я стоял один у последней скамейки. Спрятав свой блокнот для интересных вещей, которые я слышал, в сборнике гимнов, я принялся записывать все услышанное.

Когда кончили петь, отец Хэчетт произнес:

– Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Евангелие от Иоанна, глава пятнадцатая, стих пятый. Можете садиться.

Это я тоже записал. Точность подтверждена.

Не помню, что говорил отец Хэчетт в своей импровизированной проповеди, потому что у меня из головы не шел отец Макнами. Несколько раз я хотел встать и пойти в помещение для священников, чтобы проверить, как он там, ободрить его и сказать, что он должен оставаться священником. Я ощущал какое-то тепло в груди. Мне казалось, что я могу как-то помочь. Но что я мог сделать на самом деле?

Отец Макнами опытный священник, пользующийся доверием. Он помогает многим людям, например, своей известной программой для неблагополучных подростков нашего города, которых он организует и превращает в своих помощников в летней программе для детей с физическими недостатками. Каждый год в июле вся пресса пишет об этом.

Он часто навещал маму, когда она болела, а после ее смерти позаботился о том, чтобы один из прихожан оформил все документы, необходимые для того, чтобы наш дом достался мне, а то мама написала завещание не совсем правильно. Он также договорился с Венди, чтобы она бесплатно заходила ко мне раз в неделю, потому что мама оставила мне очень мало денег. На маминых похоронах он произнес замечательную речь и назвал ее истинной христианкой (я записал это в блокноте), а после этого отвез меня на побережье, так как у меня не осталось никаких родственников, и мы гуляли там, чтобы я «выкинул из головы» мысли о маминой кончине.

– Мы прямо как Иисус с учениками, прохаживающиеся по берегу моря, – сказал я, наблюдая за холодными белыми барашками на воде. Тут отцу Макнами, очевидно, попал в глаза песок, потому что он начал тереть их. Чайки подняли крик над нами, а он простонал.

– Что с вами? – спросил я.

– Все в порядке, – отмахнулся он.

Ветер подхватил с его щеки слезу и перенес ее по воздуху мне на ухо.

После этого мы долго ходили, не говоря ни слова.

Первую ночь после маминых похорон он провел со мной, у нас дома. Мы пили виски и выпили, наверное, больше, чем следовало. Отец Макнами наливал себе всякий раз «на три пальца», а мне на один, так что он быстро покраснел и опьянел. Но все равно в компании с ним было хорошо.

Он сделал очень много для нас с мамой за все эти годы.

– Сам Бог послал его нам, – говорила она. – У отца Макнами истинное призвание.

Несколько лет назад я наконец решился признаться отцу Макнами в грехе мастурбации. Он не стал стыдить меня и только прошептал через занавеску исповедальни:

– Бог пошлет тебе жену, Бартоломью, я уверен.

Вскоре после этого в библиотеке начала работать Библиодевушка, и я часто думал, не Бог ли это устроил. Это опять заставляет вспомнить синхронистичность и *unus mundus*¹⁰ Юнга.

Теперь в своих молитвах я прошу Бога, чтобы он дал мне храбрости заговорить с Библиодевушкой, которая, кажется, прямо сияет в библиотеке, как Дева Мария в витражном окне церкви, когда на небе солнце.

Но храбрости у меня не прибавляется.

Я молю Бога, чтобы он научил меня нужным словам, но всякий раз, когда я вижу Библиодевушку, мне становится так жарко, что, кажется, мозг кипит у меня в черепе и все слова испаряются.

Возможно, наше с Вами притворное двойничество помогло бы мне добиться успеха, но дело в том, что я хочу, чтобы Библиодевушка полюбила Бартоломью Нейла, а не нас вдвоем. Вы-то могли бы завоевать ее, всего лишь мимолетно улыбнувшись ей или подмигнув, – для Вас это не составило бы труда. Я хочу добиться ее расположения, но мне для этого нужно гораздо больше времени.

Из того, что я читал про буддизм, следует, что это желание – серьезная помеха моему просветлению. Но я напоминаю себе, что у Вас есть жена, и если Ричарду Гиру, выдающемуся буддисту и другу далай-ламы, разрешается иметь такие желания, то и мне, наверное, можно, так ведь?

Когда в прошлую субботу служба закончилась, отец Хэчетт не разрешил мне поговорить с отцом Макнами и не пустил меня в помещение для священников.

– Молись за отца Макнами, Бартоломью, – говорил отец Хэчетт. – Самое лучшее, что ты можешь сделать, – это молиться. Обратись к Богу. – Он повторял это снова и снова и похлопал меня по груди, как какое-нибудь крупное домашнее животное – датского дога, например. – Успокойся. Нам надо сохранять спокойствие. Всем до единого.

Возможно, я был расстроен больше, чем мне казалось. Правда, сердитый человечек у меня в желудке не пытался на этот раз повредить мои внутренние органы. Это было расстройство другого сорта. У меня есть склонность возбуждаться, если меня что-то беспокоит. Как бы то ни было, у отца Хэчетта был испуганный вид. Люди часто пугаются меня, когда я возбуждаюсь или сержусь. Но я никогда, ни разу в жизни, никому не причинил вреда, даже в школе, когда меня толкали и называли дебилем.

(Худший день в моей жизни принес мне вместе с тем самое лучшее переживание, какое у меня было в старших классах школы, хотя тогда я действительно чувствовал себя чуть ли не дебилем. Наша признанная красавица Тара Уилсон подошла к моему шкафчику и таким очень сексуальным голосом пригласила меня спуститься вместе с ней во время перерыва на обед в подвальное помещение. Я знал, что ученики занимаются там во время уроков сексом, и был очень взволнован тем, что одна из самых популярных девушек нашего класса хочет пойти туда со мной. При этом я понимал, что здесь какой-то подвох. Сердитый человечек у меня в желудке бесился, топал ногами, пинал меня и велел не попадаться на эту удочку. «Не будь идиотом!» – кричал он. Но я понимал, что другого случая пойти туда с Тарой Уилсон мне не представится, и было очень приятно притвориться, будто я думаю, что она хочет этого, хотя она так нервничала, что даже вспотела в декабре, и притворяться было очень трудно. Когда мы спускались в подвал, она даже взяла меня за руку, и это было восхитительно. Этот краткий миг, когда я держал ее руку в своей, и был, наверное, самым лучшим событием, случившимся со мной за все время обучения в школе. Я до сих пор вспоминаю Тару Уилсон – то, как ее челка взмывала вверх, когда она прыскала на нее лаком для волос, три витые золотые цепочки у нее на шее, золотой «солдатский» медальон с надписью «Т-

¹⁰ Единый мир (лат.).

А-Р-А» и маленьким бриллианчиком внизу справа и то, как она курила «Мальборо редз» на углу после школы, словно кинозвезда, смеялась и, запрокинув голову, поднимала руку в виде знака мира с сигаретой между пальцами и пускала к облакам струю дыма, как какая-то удивительная прекрасная дымовая труба. Несмотря на то что она заманила меня в ловушку, она мне по-прежнему нравится, и я надеюсь, что у нее хорошая семья и все у нее сложилось. Надеюсь, что Тара Уилсон живет счастливо. Когда мы спустились в подвал, Тара повела меня в темный угол. Там притаились с десятков мальчишек из нашего класса. Они окружили меня и начали скандировать: «Дебил! Дебил!» – и не успел я опомниться, как меня схватило сразу множество рук и я оказался в полной темноте в чулане, откуда не мог выбраться. Я кричал и стучал в дверь, наверное, несколько часов, но меня не слышали. В конце концов я решил притвориться, что сплю в своей постели крепким сном и весь этот кошмар мне снится. Я притворился, что скоро я проснусь и мама приготовит завтрак. Какое-то время это помогало, но затем сердитый человек у меня в желудке разозлился, стал брыкаться, стучать и кричать, чтобы я выбирался из чулана. Я пытался выбить дверь плечом, но это было все равно что мысленно приказывать горе, чтобы она сдвинулась. Руки у меня распухли и стали болеть, и в конце концов я отдался темноте, думая, что, наверное, так и умру там. Я молился и просил Бога спасти меня, но все равно никто не пришел. Стало холодно. Всю ночь я дрожал на бетонном полу, а мама в это время была в страшной тревоге и даже звонила в полицию. Когда я уже потерял всякую надежду, неожиданно в чулан хлынул свет, ослепивший меня.

– О боже! Ты в порядке? – услышал я.

Это была Тара. Уже наступило утро, но в школу еще никто не пришел. Она дала мне бутылку воды и пакет домашнего печенья с шоколадной крошкой. Я очень хотел пить и сразу опустошил бутылку.

– Прости меня, – сказала она. – Меня заставили это сделать.

Мои глаза привыкли к свету. Косметика на ее лице размазалась, и вид у нее был такой виноватый и несчастный, что я сразу простил ее. Она рассказала, что однажды на вечеринке напилась до отключки, а наш одноклассник Карл Ленихан раздел ее и сфотографировал в голом виде. После этого он шантажировал ее этой фотографией и заставлял делать то, что он захочет. Тара умоляла меня не говорить никому, что она меня выпустила. Рассказывая все это, она истерически рыдала и размахивала руками. Она сказала, что боялась, как бы я не задохнулся от печного газа, и ждала около школы, когда придет сторож и откроет дверь, и что она ужасно рада, что я жив и все со мной в порядке. А затем – как гром среди ясного неба – она повела себя очень странно: обняла меня, долго держала, плакала мне в рубашку и говорила, что ужасно сожалеет. Она так плакала и дрожала, что я испугался, как бы она не умерла. Я не знал, хочет ли она, чтобы я обнял ее в ответ, и просто стоял там. Затем она притянула к себе мою голову, поцеловала в щеку и убежала прочь из подвала. Больше она никогда со мной не разговаривала. Если мы встречались в коридоре, она отворачивалась. Я никому не говорил о том, что провел ночь в темном и холодном школьном подвале, – даже не знаю почему. Я не делал вид, что этого не было или что это приснилось мне, просто держал это при себе. Вы, Ричард Гир, первый, кому я рассказал это. Маме я сказал, что всю ночь просидел у реки позади Музея искусств – якобы текущая вода загнипнотизировала меня и я забыл о времени. Не думаю, что она мне поверила, но не стала уличать меня во лжи, за что я был благодарен ей. Она просто долго смотрела мне в глаза, а потом отвернулась. Мама понимала, что есть вещи, которые лучше не выпытывать. Слова могут служить оружием и слишком сильно ранить. Все самые бойкие ученики нашего класса до самого окончания школы называли меня «Тарой» и «Мальчиком из чулана», а иногда «Тариным дебилом». А Тара делала вид, что мы незнакомы. Так я узнал, что хорошие люди иногда притворяются подлецами. После того случая с Тарой я не раз видел людей, притворяющихся грубыми и

злыми эгоистами. Вы с таким не сталкивались, Ричард Гир? С тем, что люди предпочитают выглядеть злыми, а не добрыми? Я не понимаю, почему они это делают, но так, мне кажется, ведет себя большинство людей, и это вызывает у меня недоумение.)

Но вернемся к церковным делам. Я спросил отца Хэчетта:

– Вы не попросите отца Макнами, чтобы он зашел ко мне сегодня вечером?

– Конечно, конечно, – ответил отец Хэчетт. Его худощавое лицо имело цвет знака «стоп», редкие пряди волос развевались под струей нагретого воздуха из отверстия калорифера в стене. – А теперь идите домой. Я скажу отцу Макнами, чтобы он навестил вас. Идите домой. Да благословит вас Бог.

Я не верил, что отец Хэчетт передаст мою просьбу, потому что у него не было такого призвания, как у отца Макнами, – это было видно по его глазам и еще по тому, что он не очень-то многим помогал в церкви. Не то чтобы он был плохим священником, просто у него, в отличие от отца Макнами, не было «истинного призвания»; по крайней мере, так говорила мама. И хотя я ощущал в груди тепло, какое возникает, когда чувствуешь, что Бог хочет, чтобы ты что-нибудь сделал, я пошел домой, полагая, что отец Макнами так или иначе свяжется со мной, потому что он всегда заходил к нам с мамой.

Подойдя к дому, я увидел, что отец Макнами сидит на крыльце. Его белая борода имела даже более необузданный вид, чем обычно, а нос излучал красный свет. Слева от него лежали два пакета из коричневой оберточной бумаги, справа упаковка с пиццей.

– Надо причаститься, – сказал он. – Преломишь хлеб со мной?

Я кивнул, хотя мне не нравился дикий взгляд его небесно-голубых глаз, который сверлил меня и словно хотел утянуть в свой мощный водоворот.

Что-то было в нем нарушено.

Если бы он был домом, то можно было бы сказать, что одно окно у него выбито, а дверь приоткрыта. Его словно взломали и ограбили. Я не знал точно, что унесли, но знал, что в конце концов мне придется забраться внутрь отца Макнами и проверить, все ли там на месте; надеюсь, Вы понимаете, что я хочу сказать. Я не мог представить себе, чтобы отец Макнами причинил мне какой-нибудь вред, но вместе с тем не мог и избавиться от ощущения, что с ним что-то не в порядке и что мне надо быть настороже. Вокруг него сгустилась атмосфера угрозы, как говорят о президентах, премьер-министрах и секретных агентах в шпионских фильмах и телесериалах.

Мы устроились за кухонным столом.

– Христово тело, – сказал отец Макнами, кладя кусок пиццы с грибами мне на тарелку. Себе он пиццы не взял и пил свой «Джеймсон» не закусывая.

Я пытался есть, но особого аппетита у меня не было.

Я все старался определить, что было украдено из отца Макнами.

– Христова кровь, – сказал он и плеснул в мой стакан виски на палец. – Пей.

Я глотнул. Внутри обожгло.

Он опустошил стакан одним залпом, и лицо его сразу покраснело.

Мама сказала бы, что он расцвел.

– Бартоломью! – обратился ко мне отец Макнами. – Церковь я оставил, и теперь мне надо где-то жить. Строго говоря, даже одежда, что на мне, не моя. У меня есть богатенький друг детства, который посылает мне деньги, но это не бог вещь что. Если ты примешь меня, то в обмен я предлагаю тебе мои молитвы.

– Вы и вправду оставляете церковь? Отрекаетесь от обета?

Он кивнул и налил себе еще.

– Почему?

– Исход.

– Исход?

- Исход, – повторил он.
- Как у Моисея?
- Скорее, как у Аарона.

В детстве мама читала мне библейские легенды, и я всю жизнь еженедельно ходил в церковь, где часто читал Библию, так что я знал, что Аарон говорил от имени Моисея, когда тот выводил евреев из Египта.

- Я не понимаю вас, – сказал я.

Отец Макнами опрокинул в себя еще одну трехпальцевую порцию и налил следующую.

– Бартоломью, у тебя никогда не было ощущения, что Бог говорит с тобой? – Он сверлил меня взглядом, пока я не опустил глаза и не уставился на свою пиццу. – Бог не посылал тебе в последнее время каких-нибудь сообщений? Ты понимаешь, о чем я сейчас говорю? Ты, случайно, не автоответчик, записывающий Божьи послания? Может, дашь мне совет? Что говорил тебе Бог в последнее время? Были от него какие-нибудь вести, для меня или вообще?

Я сразу подумал о Библиодевушке, а затем о Вас, Ричард Гир, и о письме, которое мама оставила мне. Я подумал, не могло ли Ваше письмо быть Божьим посланием, несмотря на то что Вы буддист. (Пути Господни неисповедимы.) Но я ничего не рассказал отцу Макнами о Вас. Даже не знаю почему. Может быть, потому, что он был похож на взломанный дом.

– Я наблюдал за тем, как ты растешь, – сказал отец Макнами. – Ты все время менялся. А жил прямо как монах. Не вылезал из библиотеки, читал, учился. Вел простую безмятежную жизнь с мамой, а теперь... – Он отвернулся и вперил взгляд в темноту за окном, хотя там ничего не было видно, кроме отражения нашей люстры, похожего на электрическую луну. – Твой отец был религиозным человеком. Мама говорила тебе это?

– Да, – ответил я, – он погиб смертью мученика за Католическую церковь. Его убили куклуксклановцы.

- *Куклуксклановцы?* – переспросил отец Макнами.
- Мама так говорила.

Отец Макнами озадаченно улыбнулся, как будто его что-то неожиданно позабавило.

- А что еще она говорила тебе о нем?
- Что он был хорошим человеком.
- Он *был* хорошим человеком.
- Вы его знали?

Отец Макнами серьезно кивнул:

– Когда-то он регулярно исповедовался мне. Он был глубоко религиозен, связан с другим миром. Бог говорил с ним. У него были видения. Его кровь течет в твоих жилах.

- И мамина тоже, – вставил я, сам не знаю почему.

Отец Макнами никогда еще не разговаривал так со мной, даже когда напивался в стельку. А мама часто говорила о видениях отца. Однажды она сказала, что отец иногда зажмуривал глаза так плотно, что не видел ничего, кроме красного цвета, и тогда он слышал неземные голоса ангелов. По его словам, это было похоже на пронзительный свист ветра, пробивающегося сквозь листву в лесу, только звук был более мелодичным, небесным. Он понимал язык ангелов.

- Она живет в тебе, твоя мама, – сказал отец Макнами. – Это истинно так.

Когда стало ясно, что он ничего не хочет добавить к этому, я спросил:

- Вы действительно хотите жить у меня?
- Да.
- Почему?

– Бог давно уже велел мне сделать кое-что, а я только сейчас к этому приступаю. И в основном потому, что Бог теперь предпочитает отмалчиваться.

– Как это?

– Я что, непонятно говорю?

– Нет... в смысле, да, – ответил я; понять это и в самом деле было непросто. – А что именно Бог велел вам сделать?

– Сложить с себя сан и жить с Бартоломью Нейлом. Но это было давно. Наверное, Бог разозлился на меня за то, что я не послушался.

Я недоверчиво покачал головой. Бог никак не мог говорить с отцом Макнами обо мне. Отец Макнами сказал неправду. Он просто хотел подбодрить меня своей ложью во спасение. Притворился. Распространил на меня свое призвание, потому что знал, что я не чувствую никакого призвания, и жалел меня.

– Чему ты удивляешься, Бартоломью? Бог всегда разговаривает с людьми. В Библии это происходит постоянно.

Я смотрел на свою пиццу с грибами, думая о том, как далеко зашел отец Макнами. Меня охватила тревога, не поразил ли инфильтративный рак и его мозг тоже.

– Так тебе нечего сказать мне, Бартоломью? Никакого сообщения от Бога? – Он поднял стакан с виски и поглядел на меня. – А?

– Почему вы хотите жить со мной?

– Я думаю, что у Бога есть какой-то план относительно тебя. К сожалению, Бог теперь отказывается говорить со мной, так что я не знаю, в чем именно этот план заключается. Но хорошо уже то, что я здесь и могу помочь тебе выполнить его, если ты возьмешься за это.

Прикончив еще полстакана виски, он спросил:

– Так что это за план, Бартоломью?

Я молча смотрел на него.

– Значит, ты не знаешь? – Наклонив голову набок, он прищурившись смотрел на меня из косматого белого круга, образованного его бородой и волосами на голове. – Бог ничего не говорил тебе в последнее время?

– Не имею представления.

– Совсем никакого? Нет даже подозрения? Ни намек, ни ощущения? *Абсолютно ничего?*

Я обескураженно помотал головой.

– Ты не слышал никакого зова?

– Увы, нет, – ответил я, поскольку не слышал ничего, что хотя бы отдаленно напоминало зов.

– Тогда нам, наверное, придется подождать. А я буду молиться. Пусть Бог больше не разговаривает со мной, но, может быть, еще слушает.

– Простите меня, отец, но вы всерьез все это говорите или шутите?

– Какие могут быть шутки?

– И вы вправду оставляете Католическую церковь?

– Не оставляю, а *оставил*. Я официально сложил с себя сан.

– А я могу по-прежнему исповедоваться вам?

– Строго говоря, как католик – нет, но как человек человеку – вполне.

Я не знал, что еще сказать, и глотнул виски.

Горло обожгло.

Выпив полбутылки, отец Макнами отключился на кушетке. Я сидел в кресле и разглядывал его. У него были толстые руки и большой живот, но весь он был плотным, а не рыхлым, как многие тучные люди. Он был похож на картофелину с головой, руками и ногами. А из-за бороды также на Санта-Клауса. Кожа его была рябой и загрубевшей, словно жизнь

обходилась с ним бесцеремонно и он тяжело трудился на бескрайней человеческой ниве, взращивая души.

Кожа как кожура картофелины.

Огромной картофелины.

«Ирландец, – называла его мама, – отец-ирландец».

Я укрыл отца Макнами одеялом, и он начал громко храпеть.

Поднявшись к себе, я записал все, что смог вспомнить, в блокнот. Я все думал, действительно ли отец Макнами полагает, что у Бога есть какой-то план в отношении меня теперь, когда я остался без мамы, или же это просто пьяная болтовня. Почти всю ночь я просидел так, думая и гадая.

Когда я спустился утром, отец Макнами молился на коленях в гостиной. Я не хотел ему мешать и приготовил яичницу с маслом и острым соусом, а также поджарил несколько кусочков свиных обрезков, вывалянных в кукурузной муке, которые очень помогают при похмелье. Я знал, что отец Макнами всегда ест эти свиные обрезки, после того как пьет накануне, – он провел немало ночей на нашей кушетке. Мама обычно готовила их ему.

– Доброе утро, Бартоломью, – приветствовал он меня, присаживаясь к кухонному столу. – Ты, вообще-то, не обязан готовить для меня, но тем более спасибо.

Я подал завтрак.

Мы пили кофе.

Зимние птицы пели нам.

– Хорошие яйца, – сказал он.

Я кивнул.

Мне хотелось спросить его о Божьем плане, но я почему-то не решился сделать это.

– Что ты делаешь целыми днями, Бартоломью?

– Ну, часто я хожу в библиотеку.

– Так, а еще?

– Делаю записи в блокноте.

– Очень хорошо. Дальше?

– Слушаю птиц.

– А еще?

– Обычно я ухаживал за мамой.

– Твоей мамы больше нет с нами.

– Я знаю.

– Так что ты будешь делать *теперь*? *Сегодня*, например?

У меня не было определенных планов, и я молча смотрел на него, надеясь, что он подскажет что-нибудь. Но он сосредоточился на еде, и когда закончил это занятие, борода его была вся в потеках соуса и походила на разноцветную леденцовую палочку.

– Значит, Он так и не поговорил с тобой?

– Да вроде бы нет, – ответил я.

– М-да, иногда Он ведет себя по-свински.

Отец Макнами отправился в гостиную и опустил на колени. В этой позе он провел несколько часов. Я уж начал беспокоиться, не умер ли он, потому что он был недвижим, как каменная глыба.

Я пытался услышать Божий глас, но до меня доносился лишь щебет птиц.

Я подумал, не надо ли рассказать отцу Макнами о Вас, Ричард Гир, но почему-то не захотел этого делать – и не собираюсь.

Вы мое доверенное лицо, Ричард Гир, и я не хочу делиться своим притворством ни с кем, потому что притворство часто кончается, если ты впускаешь никогда не притворяющихся людей в тот лучший, более надежный мир, который ты создаешь для себя.

Мне хочется, чтобы мы были тайными друзьями, Ричард Гир.

Я думаю, что могу многому научиться и у Вас, и у отца Макнами и пока что лучше не смешивать эти два мира. Пусть будут как церковь и государство. Я узнал об этом в школе на уроках истории, которые Тара Уилсон тоже посещала. Отделение церкви от государства. Вас, конечно, нельзя назвать моим государством, потому что Вы ведь не государство. Но и отец Макнами, похоже, больше не является моей церковью.

*Ваш преданный поклонник
Бартоломью Нейл*

5 Рассеченный мозг Чарльза Гито

Дорогой мистер Гир!

Сегодня мне приснился очень странный сон.

Я стоял на променаде в Оушен-Сити и смотрел, как всходит солнце. Было тепло, так что вроде бы это происходило летом, но на много миль вокруг не было ни одного человека, и я подумал, что это все-таки не лето. Солнце нагревало мое лицо как раз до той температуры, какая нужна, волны бились о берег, у меня над головой кричали чайки, и даже металлические перила, к которым я прислонился, были теплыми, как женская рука.

Мне было очень хорошо и покойно, пока я не услышал мамин голос. Она кричала:

– Ричард! Ричард! Помоги мне! Я падаю! Ричард, помоги!

Я стал озираться, но не увидел ни мамы, ни кого-либо другого.

– Ричард! – кричала она. – Пожалуйста, помоги мне! Я не могу больше держаться! Мне больно!

Наконец я понял, что она под настилом.

Я хотел спуститься по лестнице на пляж, но лестницы не было.

Перегнувшись через перила, я не увидел внизу ничего, кроме океана. Солнечные зайчики играли на воде, как мерцающие галактики.

Пляж куда-то исчез.

– Ричард! Ричард! Помоги! – кричала мама.

И хотя она в этом сне называла Ваше имя, я знал, что она зовет меня: это было все то же притворство, которым мы занимались перед тем, как она умерла.

Я опустился на колени и сквозь щели между досками настила увидел маму, которая висела, уцепившись за оголенный электрический провод, который искрил и бил ее током, а под ней была бездонная черная яма. Мама была молодой – такой, как в моем детстве, – с длинными черными волосами и гладким лицом без морщин. Может быть, в этом сне ей было столько же лет, сколько мне сейчас.

Это был какой-то абсурд.

Куда делся пляж?

Куда делся океан?

– Мама! – крикнул я, и наши глаза встретились.

На какую-то секунду она увидела меня сквозь щели между досками – ее зрачки сфокусировались на мне, а на лице появилось странное выражение, чуть ли не ужас.

Она отпустила провод и начала падать все ниже и ниже, и во время падения она старела. Я видел, как ее волосы поседели и стали короче, морщины разбегались от глаз по всему лицу, кожа на руках тоже сморщилась.

– *Мама!* – завопил я во сне.

– Бартоломью! – вдруг раздался мужской шепот.

Открыв глаза, я увидел, что на краешке моей постели сидит отец Макнами – точь-в-точь как иногда сидела мама, когда я был маленьким.

Я захлопал глазами.

В комнате было темно, свет падал только из коридора, очерчивая силуэт отца Макнами. Я понял, что спал.

– Ты кричал во сне, – сказал он. – Что-нибудь случилось?

– Я видел сон, – ответил я.

Я хотел пересказать сон отцу Макнами, но сон показался мне слишком диким, и к тому же мне всегда надо какое-то время, чтобы вспомнить, что снилось, после того как проснулся, так что я больше ничего не сказал.

– Я тоже не могу уснуть, – сказал отец Макнами. – Хочешь бутерброд?

– Нет, спасибо, – ответил я, так как не был голоден.

– Ну, как хочешь. Но, может, хотя бы составишь мне компанию, пока я ем?

– Ладно, – ответил я и спустился вслед за ним в кухню.

Он стал готовить себе бутерброд с ветчиной и сыром, а я сел за стол.

– Ты знаешь что-нибудь о двадцатом президенте США Джеймсе Гарфилде? – спросил он.

Я еще не вполне проснулся и лишь тупо таращился на его жующую физиономию.

Борода его украсилась желтыми крапинками горчицы.

– Я читаю книгу о нем, – сказал отец Макнами. – Она наверху, на ночном столике.

Я кивнул.

Говоря, он для большей выразительности размахивал бутербродом, так что лист салата удерживался на нем из последних сил.

– Итак, Джеймс Гарфилд был двадцатым президентом нашей великой державы, – сказал отец Макнами. – Судя по всему, он был хорошим, достойным человеком. Поддерживал движение за гражданские права, хотел ввести всеобщее обучение, чтобы все дети – и белые, и черные – умели читать.

Я не мог понять, чего ради он решил рассказывать мне это среди ночи, но не стал спрашивать его. Я клевал носом, и все происходящее казалось мне еще одним фантастическим сном.

– А кто такой Чарльз Гито, ты знаешь?

Я помотал головой.

Отец Макнами дожевал кусок бутерброда, проглотил его и сказал:

– Он выстрелил в президента Гарфилда на железнодорожном вокзале в Вашингтоне и объявил, что это Бог надоумил его. Но еще более немыслимо то, что Гарфилд якобы произнес, когда в него впились две пули: «Мой Бог, что это?» Как будто он спрашивал, не Божья ли это воля. Гарфилд никак не ожидал, что в него выстрелят в этот день. Он полагал, что несет людям добро – может быть, даже действует от лица Бога. Но эти две пули вызвали у него вопрос: «Мой Бог, что это?»

Все это было похоже на очередную проповедь отца Макнами – он часто делал исторические экскурсии. Но почему среди ночи? Из-за виски, что ли?

– «Теперь Артур наш президент!» – завопил Гито. – Лист салата слетел-таки с бутерброда и приземлился на стол, оставив на нем горчичный след. – Артур был вице-президентом в то время. Затем Гито потребовал, чтобы его арестовали. Впоследствии он утверждал, что Бог выбрал его, чтобы изменить ход истории.

Отец Макнами откусил еще один здоровенный кусок бутерброда, прожевал его и проглотил.

– Вы напились? – спросил я.

Ночная лекция была слишком насыщена эмоциями, даже для отца Макнами.

– Отставные ирландские священники никогда не напиваются. Виски лишь развязывает нам язык, – ответил он и, подмигнув мне, продолжил: – Тогда мало что знали о бактериях и занесли своими немытыми пальцами заразу в раны Гарфилда. Из-за этого он умирал медленно, долго и мучительно. В конце концов его перевезли на побережье Нью-Джерси.

Слово «побережье» напомнило мне о моем сне, о том, как мама провалилась в глубокую дыру под настилом. «Синхронистичность?» – подумал я.

– Когда Гарфилд умер, жена его якобы воскликнула: «О, за что мне эти страдания?»

Отец Макнами сделал паузу, чтобы прикончить половину бутерброда. Слизав горчицу с пальцев, он сказал:

– На суде Гито поносил судью и присяжных и, похоже, не сознавал, что его ждет казнь. Он считал себя героем и был уверен, что новый президент помилует его. Законники спорили о том, достаточно ли он здоров психически, чтобы предстать перед судом. Ясно, что он был ненормален, тем не менее его судили и казнили.

Поняв, что это конец истории, я кивнул – на то, чтобы сказать что-либо, у меня не было сил.

– Тебе не хочется говорить, да? – спросил отец Макнами.

– Три часа ночи, – сказал я, посмотрев на часы, стоявшие на микроволновой печи.

Он кивнул и быстро доел бутерброд.

Я не уходил, так как это было бы невежливо.

Прикончив бутерброд, он поднялся, похлопал меня по плечу и сказал:

– Спи спокойно, Бартоломью.

Я послушал, как он поднимается по лестнице, затем тоже поднялся к себе и снова лег.

Лежа, я думал о президенте Гарфилде и его убийце, а также о том, как мама падала в бездонную яму и на глазах старела. Я задавал себе вопрос: не было ли тут какой-то связи?

Когда первые лучи солнца заглянули в окно, я почувствовал тяжесть в голове, потому что провел почти всю ночь в размышлениях.

Я принял душ, оделся и приготовил завтрак.

Отец Макнами сначала отказывался есть приготовленный мною завтрак, сказав, что он не хочет, чтобы я обслуживал его все время, и что ему самому следовало бы готовить себе, но я возразил:

– Я всегда готовил для мамы, так почему я не могу готовить для вас? К тому же, когда я занимаюсь этим, я меньше переживаю из-за мамы.

Лицо отца Макнами стало очень печальным.

– Я очень благодарен тебе, Бартоломью, за то, что ты позволил мне жить здесь.

Мы позавтракали в молчании, и выносливые (или ленивые) утренние птицы исполнили свою симфонию, несмотря на мороз.

Мне хотелось спросить его, не был ли наш ночной разговор о двадцатом президенте немножко безумным, но я не спросил. Возможно, я боялся, что тоже схожу с ума, как мама и Чарльз Гито. Я думал, что не выдержу еще одной битвы с сумасшествием. Тревожил меня также вопрос, не придется ли мне теперь, когда отец Макнами поселился у меня, притворяться и перед ним. Он тоже вел себя довольно странно.

Я думаю, что не смог бы снова притворяться ради кого-нибудь, потому что теперь мне надо притворяться для самого себя, чтобы продолжать жить после маминой смерти. И еще меня беспокоило, что отец Макнами пытается сказать мне что-то важное, а я не понимаю его из-за своей тупости. «Не будь снова таким же дебилом, как в случае с Тарой! – кричал мне сердитый человечек у меня в желудке. – Не доверяй никому, держись в стороне!»

Когда мы вымыли и вытерли посуду после завтрака, отец Макнами сказал:

– А теперь одевайся, я хочу кое-что тебе показать.

В полном молчании мы долго шли по улицам, которые были забиты транспортом и залиты зимним солнцем, пока не добрались до Южной двадцать второй улицы, самого центра Филадельфии.

– Это здесь, – сказал отец Макнами, и я проследовал за ним сквозь тяжелые деревянные двери меж двух серых колонн в кирпичное здание, оказавшееся Музеем Мюттера.

В здании хранились в стеклянных витринах разнообразные части тела и органы, уродливые скелеты, хирургические инструменты и прочие редкости. Я понял, что это медицинский музей, но вместе с тем возникло ощущение, что я стал персонажем какого-то триллера.

Остановившись перед одной из витрин, отец Макнами сказал:

– Взгляни на это.

Это была банка старинного типа, возможно, в таких банках раньше консервировали фрукты. Сверху банка была закрыта металлической пластиной и запечатана воском. Внутри находилась желтая жидкость, в которой плавало что-то вроде артишоков.

– Рассеченный мозг Чарльза Гито, – объяснил отец Макнами. – Его сохранили из-за его исторического значения и для того, чтобы будущие поколения учились по нему.

– Чему тут можно научиться? – спросил я.

Я не мог представить себе всю эту законсервированную мешанину в качестве человеческого мозга, но у музея был очень солидный вид, так что это, по-видимому, действительно был мозг Чарльза Гито, как было написано на табличке, хотя выглядел он очень странно.

– Он был болен, – объяснил отец Макнами. – Врачи должны изучать болезнь, чтобы понять ее и лечить больных людей.

Мне вовсе не нравилось смотреть на раскрошенный мозг. Я представлял себе, что когда-то он был внутри черепа, жил, слушал, говорил и приказывал телу передвигаться, и меня все больше тошнило. Может быть, это объяснялось тем, что я не выспался и устал, но, вообще-то, эта расчлененка никогда меня не привлекала.

– Может, пойдем отсюда? – спросил я, жалея о том, что вместо обычного воротника священника отец Макнами носит мятый воротничок на застежках, когда-то красный, но от множества стирок ставший розовым.

Отец Макнами посмотрел на меня.

– Тебе это неприятно?

– Да, немного, – ответил я, подумав, что это кого угодно выведет из равновесия.

– Тогда пошли, – сказал он, и мы пошли.

Когда мы прошли несколько кварталов, я спросил, не можем ли мы немного посидеть. Я сел на ступени какой-то трехэтажки, как их здесь называют.

– Что-нибудь не так? – спросил отец Макнами.

– Зачем вы разбудили меня сегодня ночью?

– Ты кричал. Тебя преследовали ночные кошмары.

– А зачем вы привели меня сюда смотреть на этот искромсанный мозг?

– Ты сердисься на меня?

Я не хотел отвечать на этот вопрос и промолчал.

Я действительно был немного сердит.

Все происходило слишком быстро.

Отец Макнами сел рядом со мной, и мы довольно долго наблюдали за движением на улице, но на его вопрос я так и не ответил.

Тошнота у меня прошла.

Сердился я уже меньше.

Мы так долго сидели на холодном бетоне, что мой зад и бедра начали замерзать.

Подошел мужчина в дорогом пальто и с шелковым шарфом на шее и обратился к нам:

– Это мой дом, а вы околачиваетесь тут на ступенях.

– Простите нас, – ответил отец Макнами, кивнув.

Мужчина, не говоря больше ни слова, прошел мимо нас. Я в это время начал уже вставать, и его колено ударило меня по плечу.

– Простите, – сказал я, хотя мне не за что было извиняться, и я подозревал, что мужчина ударил меня намеренно.

Мы ушли.

Минут через пятнадцать отец Макнами спросил:

– Бог так и не поговорил с тобой?

– Нет, – ответил я.

– Наверняка этот осел не разговаривал и с Чарльзом Гито, – сказал он.

Я ничего не ответил ему.

Я не хотел больше говорить о Чарльзе Гито.

В основном потому, что мне не хотелось вспоминать его рассеченный мозг, сохранный навечно в банке.

– Хочешь знать, почему я так уверен, что Бог не велел Гито убивать Гарфилда?

Отец Макнами вопросительно смотрел на меня, и я кивнул. На самом деле я не хотел этого знать, но понимал, что проще кивнуть, так как ему хотелось высказаться и это был самый быстрый способ покончить с этим вопросом.

– Бог не подговаривает людей совершать плохие поступки. Бог никому не велит убивать президентов. Даже когда Он велел Аврааму убить Исаака, Он не дал ему это сделать и послал ангела, чтобы тот остановил Авраама. Это была просто проверка. Но тебя, Бартоломью, Бог уже проверил болезнью твоей матери и убедился, что у тебя доброе, чистое сердце. Ты выдержал испытание.

Мне сказанное им не понравилось, ведь это означало, что Бог наслал болезнь на маму, чтобы испытать меня, и если вправду так, то как я мог верить по-прежнему в такого Бога?

– Что-то подсказывает мне, что скоро ты поможешь другим без особых жертв, – сказал отец Макнами.

Я подумал, что, может быть, Чарльз Гито воображал, что убийством президента Гарфилда принесет пользу стране, может быть, он верил, что делает доброе дело. А может быть, он был просто помешанным. Но мне не хотелось дискутировать с отцом Макнами. У него был такой довольный вид, будто он произнес самую важную в своей жизни проповедь. Я все больше склонялся к мысли, что у него тоже не все в порядке с головой.

– Бог общается с нами не только с помощью слов, Бартоломью, – сказал он, когда мы ждали зеленый свет на перекрестке. – Иногда это бывает всего лишь ощущение, наитие. У тебя такого не было?

Я помотал головой.

Больше до самого дома мы не разговаривали.

Отец Макнами опять стал на колени в гостиной, чтобы продолжить свою молитву, а я пошел в библиотеку, наслаждаясь ходьбой, холодным воздухом у себя в носу и солнечным теплом на лице.

Библиодевушка в этот день не работала.

Я притворился, что читаю новости в журналах «Ньюсуик», «Тайм» и других, но на самом деле я в основном вспоминал свой сон о том, как мама падает в бездонную черную яму под настилом.

Когда несколько часов спустя я вернулся домой, отец Макнами все еще молился. Глаза его были крепко зажмурены, кисти рук вцепились друг в друга так яростно, что даже побелели, губы шептали какие-то слова с устрашающей скоростью, виски блестели от пота.

К обеду он не вышел.

Когда я ложился спать, он все еще был на коленях.

Интересно, что можно говорить Богу столько часов?

Ваш преданный поклонник

Бартоломью Нейл

6

«Ситуация осложняется из-за его досадной склонности чрезмерно все анализировать»

Дорогой мистер Гир!

Во время очередного визита Венди отец Макнами молился в гостиной; он делает это часами, даже тогда, когда я смотрю телевизор. Когда он молится, окружающее не существует для него. Он словно погружается в транс. Можно вылить ведро ледяной воды ему на голову, а он даже не пошевелится.

– А *вы* что здесь делаете? – спросила Венди, увидев его.

– Он молится, – ответил я, так как отец Макнами не поднял головы. – Пойдемте на кухню.

– Почему он молится в вашей гостиной, Бартоломью?

– Он всегда молится там.

– С каких пор?

– С тех пор, как поселился у меня. Он сложил с себя сан, и теперь...

– Отец Макнами! – завопила Венди.

Когда никакой реакции не последовало, она подошла к нему и трижды дернула его за руку.

Отец Макнами приоткрыл один глаз, как будто все это время только притворялся, что молится, и спросил:

– Да?

– Что здесь происходит? – спросила Венди.

– Я поселился у Бартоломью.

– Зачем?

– Это связано с одним старым делом, которое не имеет к вам отношения.

– Не вижу в этом ничего хорошего.

Отец Макнами вздохнул:

– Вы так молоды, Венди. Меня восхищает ваша молодость и горячность.

– Вы просили меня помочь Бартоломью обрести независимость...

– И что?

Он поднялся на ноги, посмотрел в потолок и сказал:

– Прости меня, Боже.

– Мы так не договаривались, – сказала Венди.

– Давайте поговорим на улице, если не возражаете.

Они вышли из дома и стали разговаривать на тротуаре. Я видел их через окно, но не слышал, о чем они говорят. Отец Макнами все время утвердительно кивал. Венди наставляла на него обвиняющий палец. Это продолжалось минут пятнадцать.

Кончилось тем, что отец Макнами куда-то ушел.

Венди сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, поднимая и опуская плечи, потом заметила, что я смотрю на нее через окно. На лице у нее промелькнуло сердитое выражение, но затем она улыбнулась и направилась в дом.

– Поговорим в кухне? – спросила она, войдя, и, не дожидаясь ответа, прошествовала туда мимо меня. Это было непохоже на нее.

Она сняла свое пальто военного покроя с цветочным узором и повесила его на спинку маминого стула. Мы сели за кухонный стол, но птицы на этот раз не пели, что можно было расценить как некий знак.

– Вы хотите, чтобы отец Макнами жил с вами? – спросила Венди.

Ее оранжевые брови сдвинулись, смяв друг друга; оранжевые волосы были стянуты назад в конский хвост; веснушчатые уши были насквозь пронизаны солнечным светом и казались прозрачными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.